

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Грищенко Алина Игоревна

**Учебный процесс, быт и общественно-культурная жизнь
студентов Московского университета в 1835–1863 годах**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Научный руководитель –

Цыганков Дмитрий Андреевич,
доктор исторических наук

Официальные оппоненты –

Грибовский Михаил Викторович,
доктор исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Томский
государственный университет», факультет
исторических и политических наук, кафедра
российской истории, профессор
Ростовцев Евгений Анатольевич,
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет», Институт
истории, кафедра истории России с
древнейших времен до XX века, профессор
Ильина Кира Андреевна,
кандидат исторических наук,
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет “Высшая
школа экономики”», факультет
гуманитарных наук, Школа исторических
наук, доцент

Защита диссертации состоится 17 ноября 2025 года в 16:00 на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3617>

Автореферат разослан «_____» 2025 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования. Изучение университетского студенчества как одной из самых динамичных, социально активных групп молодежи представляется важным ввиду того значения, которое имело молодое поколение в европейских обществах Нового времени. Университетская молодежь не только выступала в качестве адресата педагогических усилий, но и являлась носителем национальной культуры, ее научных, образовательных, политических традиций.

Университетское студенчество к середине XIX в. впервые сложилось в России в особую социальную группу¹. К изучению быта учащихся, их учебной и внеучебной повседневности в последние десятилетия обращаются не только историки, но и специалисты по педагогике высшей школы, юристы и исследователи истории государства и права, филологи и культурологи.

В диссертации предпринято комплексное исследование студенчества Императорского Московского университета (ИМУ) 1830-х – начала 1860-х гг. как особой социальной группы внутри российского общества, а также части университетской корпорации – их быта, учебной деятельности в университете, а также существования в пространстве столичного города.

Степень разработанности темы. Традиция изучения истории Московского университета стали формироваться со времени его 100-летнего юбилея в 1855 г. Тогда С.П. Шевыревым была создана «История Императорского Московского университета»². Исследователь рассматривал ИМУ в первую очередь как административную единицу в системе российского образования. При этом профессор особо подчеркивал внимание

¹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. Студенчество. М., 2003. С. 6–7.

² Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М., 1855.

императора Николая I к первому университету страны и его обитателям, прежде всего к студентам³.

Всплеск интереса дореволюционных исследователей к студенческой теме произошел на рубеже XIX–XX вв., когда студенческое движение воспринималось как часть общероссийского революционного процесса⁴. Исследователей этой эпохи особенно интересовал сословный вопрос в университетах XIX столетия⁵. К истории студенческого движения, противостоявшего реакционной политике властей, обращались С.П. Мельгунов⁶ и С.Г. Сватиков⁷.

После 1917 г. изучение истории студенчества Московского университета в силу идеологических причин было сведено к исследованию революционного движения в университетах. В частности, прогрессивными провозглашались многочисленные студенческие кружки середины XIX в., изученные в 1920-х гг. филологами М. Аронсоном и С. Рейсером⁸.

В начале 1950-х гг. краевед Б.С. Земенков и литературовед М.Я. Поляков написали основательные статьи⁹, посвященные студенческим годам В.Г. Белинского, кружкам и студенческой повседневности его времени. Исследователи пришли к выводу, что создание кружков было исключительным событием, слабо влиявшим на жизнь основной массы студенчества.

Характерной чертой историографии университетской истории советского времени был также ее юбилейный характер – значимые работы

³ *Он же.* Обозрение столетнего существования Императорского Московского университета // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Ч. 85. С. 31–54.

⁴ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М., 1903. С. 12; Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Л., 1925. С. 6.

⁵ Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Отд. 2. С. 83–108.

⁶ Мельгунов С.П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904.

⁷ Сватиков С.Г. Русское студенчество прежде и теперь // Путь студенчества. М., 1916. С. 4–15; *Он же.* Студенческая печать // Там же. С. 213–248.

⁸ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 1929.

⁹ Поляков М. Студенческие годы Белинского // Литературное наследство. 1950. Т. 56. С. 303–436; Земенков Б. Белинский в Москве // Там же. 1951. Т. 57. С. 375–394.

выходили по случаю памятных дат в истории российских университетов. Так, в 1955 г. была издана двухтомная «История Московского университета», тогда же увидела свет работа М.Т. Белявского «Ломоносов и основание Московского университета»¹⁰, а немного ранее – монография Н.А. Пенчко на схожую тему¹¹. Идеологическая задача указанных историков заключалась в том, чтобы показать исходное демократическое начало в университете, берущее начало от М.В. Ломоносова и его учеников. Соответственно, носителями этой демократической идеи призваны были стать студенты университета.

Шагом вперед в изучении студенчества Московского университета в постдекабристскую эпоху стала работа Л.И. Насонкиной¹². Значительное место в книге уделено радикальным настроениям среди университетской молодежи и студенческим кружкам, влияние которых на университетские дела несколько переоценивалось. Исследовательница также приводила статистические данные о численности и социальном составе студенчества, взятые из ежегодных университетских отчетов.

Завершением советской историографической традиции в изучении дореформенного университета является монография Р.Г. Эймонтовой¹³, которая посвящена переходной эпохе университетской истории на рубеже 1850–1860-х гг. В этой работе исследовательница показала, как российские студенты воспринимали происходившие политические события, какой видели свою роль в пореформенной России.

Постсоветский период в развитии историографии истории студенчества ИМУ характеризуется плюрализмом подходов, различной методологией исследований, появлением новых центров изучения данной проблематики. В

¹⁰ История Московского университета. Т. 1–2. М., 1955; Белявский М.Т. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.

¹¹ Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М., 1953.

¹² Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

¹³ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

рамках изучения студенчества современные специалисты обращаются к приемам не только классической социальной истории, но и методологии истории повседневности, институциональной истории, истории российской науки и образования.

Ярким образцом применения культурологического подхода к изучаемой нами теме стал первый том коллективного исследования «Университет для России»¹⁴, посвященный изучению университета как части отечественного культурного пространства. Большое значение для настоящего исследования имеет 4-й том данной работы, посвященный университету в николаевскую эпоху¹⁵. Главы о студентах Московского университета в нем созданы В.В. Пономаревой, которая изучила связи студентов с дворянским обществом, их участие в литературном процессе, в театральной жизни Москвы.

Вполне возможно, что применение этого подхода для изучения Московского университета связано с использованием того набора вопросов, который поставлен в работе Е.А. Вишленковой по истории Казанского университета первой четверти XIX столетия¹⁶. В том же ключе написаны работы И.П. Кулаковой, стремящейся встроить университетскую историю XVIII в., включая ее студенческий компонент, в социокультурные контуры эпохи и представить Московский университет как целостное общественное пространство¹⁷.

В рамках культурологического подхода в современной историографии студенты университета предстают уже не как революционеры или маргиналы, а как органическая часть общества дореформенной Москвы¹⁸.

В рамках институционального направления университетской истории выполнена монография Ф.А. Петрова «Формирование системы

¹⁴ Университет для России: взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997.

¹⁵ Университет для России. Т. 4. Университет в николаевскую эпоху / Ф.А. Петров, В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. М., 2012.

¹⁶ Вишленкова Е.А. Казанский университет александровской эпохи. Казань, 2003.

¹⁷ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.

¹⁸ Университет в Российской империи / Под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Порохова. М., 2012.

университетского образования в России»¹⁹. История студенчества ИМУ затрагивается в первом и втором томах, а особенно во второй части четвертого тома этого труда, а за период 1830–1840-х гг. представлены подробные статистические данные о студентах той поры, основанные не только на университетских отчетах, но и на их сверке с отчетностью министерства, а также на материалах ведомственной прессы.

История Московского университета в целом и его студенчества занимает значительное место в научном творчестве А.Ю. Андреева. В первой монографии²⁰ исследователь показал, какую роль Московский университет играл в общественно-политической и культурной жизни России начала царствования Александра I.

Нашлось место студенческой тематике и в монографии этого автора, посвященной рецепции концепта «классического университета» на российской почве²¹. По мнению А.Ю. Андреева, положение студентов в российской модели университета не могло быть идентичным положению в системе образования их немецких товарищ. Разительно отличалась и повседневность российских студентов в отечественных и в немецких университетах²².

В 2011 г. увидела свет монография А.М. Феофанова²³, всесторонне осветившая социальный и конфессиональный составы студенчества, особенности быта и учебы студентов ИМУ первой четверти XIX в. Также с именем этого исследователя связано издание справочного издания – биографического справочника по студентам, обучавшимся в 1755–1825 гг. в

¹⁹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–4. М., 2002–2003.

²⁰ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.

²¹ Он же. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2013.

²² Он же. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.

²³ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011.

ИМУ²⁴.

А.Ю. Андреев, А.М. Феофанов, Д.А. Цыганков и другие исследователи стали создателями энциклопедического словаря «Императорский Московский университет»²⁵, в статьях которого раскрываются ключевые аспекты системы управления ИМУ в связи с контролем за студентами и организации их повседневной жизни.

Еще один центр изучения истории студенчества Московского университета сложился вокруг В.А. Змеева на факультете глобальных процессов МГУ. Так, В.А. Змеев в соавторстве с А.И. Андреевым и И.В. Ильиным подготовили и издали в 2009 г. первый том обобщающего труда «История студенчества Московского университета»²⁶. Данная работа содержит в себе краткие биографические справки о знаменитых выпускниках университета и в целом выполнена в научно-популярном ключе.

Значительным направлением историографии с начала XXI в. стало изучение студенческой повседневности в ИМУ и в других российских университетах. Эта тенденция проявилась в появлении диссертационных исследований П.В. Гришунина, Н.В. Макаровой, Н.Н. Юркиной²⁷.

Важными в методологическом плане являются работы А.Е. Иванова, которые показывают развитие и функционирование студенческой корпорации в российских университетах, правда, в более позднюю эпоху, на рубеже XIX–XX столетий²⁸. Кроме того, в современной историографии нередко сочетаются

²⁴ *Он же. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: биобиографический словарь.* М., 2013.

²⁵ *Императорский Московский университет. Энциклопедический словарь.* М., 2010.

²⁶ *Андреев А.И., Змеев В.А., Ильин И.В. История студенчества Московского университета. Т. 1. 1785–1905.* М., 2009.

²⁷ *Гришулин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е–1880-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; Макарова Н.В. Общественная жизнь студенчества России в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; Юркина Н.Н. Повседневная жизнь московского студенчества (1830–1890-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.*

²⁸ *Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба.* М., 1999; *Он же. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации.* М., 2004; *Он же. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века.* М., 2010.

классические и междисциплинарные подходы к изучению университетского пространства и его обитателей²⁹.

В последние десятилетия расширяется проблемное поле исследований университетской истории и ее студенческой составляющей, исследуется история отдельных научных направлений и факультетов ИМУ³⁰. Кроме того, положение студентов в российских университетах второй трети XIX в. изучается в рамках работ по истории педагогики³¹, российского права³², других смежных дисциплин.

Отдельная научная школа изучения истории Харьковского университета сложилась вокруг С.И. Посохова. В трудах ученого и его последователей рассматривались в том числе бытовые условия жизни и учебная повседневность студентов этого учебного заведения³³. Студенчеству Санкт-Петербургского университета посвящена монография Т.Н. Жуковской и К.С. Казаковой, в которой эта целевая группа исследована с помощью приемов социальной истории и истории повседневности³⁴.

В зарубежной историографии к настоящему моменту не сложилось цельной традиции изучения студенчества указанного времени, и существуют лишь отдельные работы по данной проблематике. Так, в монографии 1989 г.³⁵ американский историк С. Кессоу вслед за советскими коллегами рассматривал

²⁹ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis*. Казань, 2005; Маркин В.Л. Идущие впереди. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Йошкар-Ола, 2013.

³⁰ Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII в. М., 2000.

³¹ Тебиев Б.К., Кулина С.Н. Гражданином быть обязан: роль студенческих организаций в гражданском воспитании студенчества России второй половины XVIII – начала XX вв.: историко-педагогическое исследование. М.; Великий Новгород, 2007.

³² Зипунников Н.Н. Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени. Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009.

³³ Посохов І.С. Студентство університетів Російської імперії XIX – початку ХХ ст.: становлення та еволюція субкультури. Харків, 2013; Харківський Національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років. Харків, 2004.

³⁴ Жуковская Т.Н., Казакова К.С. *Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века*. М., 2018.

³⁵ Kassow S.D. *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia*. Berkeley, 1989.

студенческое движение начала XX в. как часть общероссийского революционного процесса. Его корни исследователь усматривал в традиционном вольнодумстве части студентов еще николаевского времени.

В книге американской исследовательницы Э. Виртшафтер³⁶ рассматривается феномен разночинцев в императорской России, значительная часть которых пополняла ряды университетского студенчества. Монография Л. Манчестер посвящена «поповичам» – разночинцам из духовного звания³⁷, составлявшим особый социальный типаж в России XIX в., в том числе в университете. Наконец, в работе Р. Фридман³⁸ анализируются повседневная жизнь и идейный мир российского студенчества первой половины XIX в. через призму маскулинности и гендерной социализации юношей, что открывает возможности изучения студенчества ИМУ в этой особой оптике.

Таким образом, историография исследуемой темы достаточно обширна, однако по большей части преобладают либо обзорные работы по истории российских университетов в целом, либо исследования, посвященные какому-либоциальному отдельному аспекту проблемы. Литературы о студенчестве ИМУ как таковом, его этноконфессиональном составе, быте и учебной повседневности второй трети XIX в. на сегодняшний день не так много. Данный факт объясняет наличие многих неисследованных научных проблем, связанных с историей развития студенческой корпорации того времени, и обеспечивает научную новизну настоящей диссертации.

Цель и задачи исследования. Целью работы является выявление базовых характеристик учебы, быта и повседневной жизни студенчества ИМУ

³⁶ Wirtschafter E.K. *Structures of Society: Imperial Russia's "People of Various Ranks"*. De Kalb, 1994 (русский перевод книги: Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002).

³⁷ Manchester L. *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*. De Kalb, 2008 (русский перевод книги: Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015).

³⁸ Friedman R. *Masculinity, Autocracy, and the Russian University, 1804–1863*. London, 2005 (русский перевод книги: Фридман Р. Маскулинность, самодержавие и российский университет, 1804–1863. СПб., 2023).

в контексте трансформации университетской системы в России. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- определить статистические показатели студенчества Московского университета второй трети XIX столетия;
- выявить характерные черты организации учебной деятельности студентов в университете;
- реконструировать механизмы контроля за поведением и учебой студентов со стороны университетских властей и должностных лиц;
- установить условия, в которых происходила повседневная жизнь студенчества в стенах университета и в городском пространстве;
- охарактеризовать взаимосвязь между активностью учащихся в пространствах города и университета и формированием студенческой корпорации.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является Московский университет как особое культурное пространство, внутри которого формировались и функционировали малые и большие социальные группы, части университетской корпорации. Предмет исследования – основы образовательного процесса, бытовые условия жизни и особенности существования студенчества в стенах Московского университета и в городском пространстве.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1835 по 1863 г. Нижняя граница связана с принятием нового Устава университетов в 1835 г., знаменовавшего собой новую эпоху в университетской истории, связанную с деятельностью на министерском посту С.С. Уварова, а внутри университетского пространства таких знаковых фигур, как попечитель С.Г. Строганов, его помощник Д.П. Голохвастов, а также инспектор П.С. Нахимов. Верхняя же граница связана с принятием университетского Устава 1863 г., с которого начинается история пореформенного Московского университета.

Территориальные рамки исследования связаны с объектом и предметом исследования и охватывают пространство Московского университета, включавшее в себя учебные и жилые помещения студентов, а также городское пространство Москвы и ее ближайшей округи, связанное с повседневной жизнью учащихся университета.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые комплексно рассматривается ряд проблем, ранее не получивших самостоятельного освещения в историографии. Во-первых, оценивается динамика численности студенчества университета, представленности в нем выходцев из различных сословных и конфессиональных групп, вычисляется средний и медианный возраст учащихся. Во-вторых, характеризуется учебный процесс в Московском университете той эпохи, делается вывод о его постепенной эволюции, связанной с углублением специализации учащихся. В-третьих, оценивается степень успешности внедрения административных мер, направленных на регламентацию дальнейшего трудоустройства выпускников университета, а также отношение студенчества к усилению контроля над их учебой и профессиональным самоопределением. В-четвертых, описываются бытовые условия жизни студенчества в стенах университета и на вольных квартирах, их многообразные взаимодействия с городскими жителями. В-пятых, выявляются характерные черты формировавшейся в те годы студенческой корпорации с присущими ей ценностями, которые связаны с полученным студенчеством опытом взаимодействия между учащимися, с университетским руководством и жителями столичного города.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы для дальнейшего изучения истории российского студенчества, отличительных особенностей становления и развития студенческой корпорации в Московском университете, истории российских университетов, отечественной науки и образовательной системы середины XIX в.

Практическая значимость исследования состоит в том, что

полученные научные результаты могут быть использованы в преподавании курса российской истории XIX в., а также при разработке специальных курсов по университетской истории, истории Московского университета, истории российского высшего образования.

Методологическую основу исследования составляет система общенаучных (анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация) и специально-исторических методов исследования. Концептуальной основой исследования стал принцип историзма, предполагающий изучение временной изменчивости общественных процессов и явлений, выявление внутренних причин их трансформаций, а также внешних влияний³⁹.

В рамках конкретно-проблемного подхода выделены основные аспекты социокультурного облика студенчества 1830-х – начала 1860-х гг. – такие, как их базовые социальные характеристики, важнейшие аспекты учебной повседневности, а также быта и пребывания в городском пространстве.

С помощью историко-генетического метода прослежена история появления основных групп внутри студенческой массы (своекоштных, казеннокоштных студентов, слушателей), а также юридического закрепления их статуса внутри университетской корпорации.

Системный подход позволил каталогизировать многообразные исторические факты, связанные с важнейшими характеристиками студенчества ИМУ того времени.

Историко-типологический метод, предполагающий, согласно И.Д. Ковальченко, существенный анализ логически выделенных однородных совокупностей исторических объектов⁴⁰, позволил выявить характерные черты сословных, конфессиональных, возрастных групп внутри студенчества ИМУ 1830–1850-х гг.

Использование хронологического и сравнительного методов дало

³⁹ Теория и методология истории / Под ред. А.И. Филюшкина. М., 2022. С. 58–59.

⁴⁰ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 156.

возможность проследить изменение их соотношения друг с другом на протяжении десятилетий, оценить влияние свойств каждой из подгрупп на социокультурный облик всего студенчества.

Источниковая база исследования. Источники, используемые в диссертации, делятся на четыре большие группы: законодательные акты, делопроизводственная документация государственных учреждений и Московского университета, материалы периодической печати, а также источники личного происхождения.

К законодательным актам относится университетский Устав 1835 г., открывший новую эпоху в истории учебного заведения ввиду подробной регламентации обязанностей должностных лиц университета и механизмов контроля за студенчеством⁴¹. Устав 1835 г. содержал в себе значительные нововведения по сравнению с прежним Уставом 1804 г.⁴², который давал университету полновесную автономию, а учащимся – большую свободу действий. Характерные черты университетской политики николаевского времени ярко проявляются и в сравнении с Уставом 1863 г., ставшим достаточно либеральным⁴³.

Роль и значение высшей администрации в управлении университетом и регулировании жизни студенчества раскрывают документы Министерства народного просвещения. Опубликованные в рамках многотомного издания второй половины XIX в. первые три тома министерских распоряжений рассматриваемой эпохи⁴⁴ дают представление о наиболее общих условиях пребывания студенчества в университетских стенах.

⁴¹ Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских российских университетов [1835] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Второе собрание (1825–1881). Т. X. Отд. I. СПб., 1835. № 8337. С. 841–855.

⁴² Высочайше утвержденный Устав Императорского Московского университета (5 ноября 1804 г.) // ПСЗРИ. Т. XXVIII. 1804–1805. № 21498. С. 570–589.

⁴³ Общий Устав Императорских российских университетов (18 июня 1863 г.) // ПСЗРИ. Второе собрание. Т. XXXVIII. № 39752. С. 622–638.

⁴⁴ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1–3. СПб., 1866–1867.

Большая часть делопроизводственной документации Московского университета отложилась в фонде 418 ЦГА г. Москвы. Среди данных документов стоит особо выделить документы созданной в 1834 г. особой Канцелярии по студенческим делам – это докладные записки инспекторов студентов в Совет университета и попечителю, прошения студентов, решения Совета, оформленные в виде выписок из журнала его заседаний, распоряжения администрации и разъяснения к ним.

Изучение этой документации дает представление о повседневной работе администрации по организации учебной деятельности (описи 3, 7, 8), а также проживания студентов в стенах университета. Среди решавшихся вопросов выделяются дела о быте, питании, физическом и нравственном здоровье «казенных питомцев» и своекоштных учащихся ИМУ, сведения о конфликтах студентов с администрацией и между собой, а также другие (описи 120, 252–270).

Более значимые дела попадали в канцелярию университетского Совета (описи 1–72, 75, 81–95), а самые значительные и резонансные – в канцелярию проректора (опись 495) и к ректору (описи 491–494), но последнее случалось достаточно редко.

Нередко судьбы студентов лично определял попечитель учебного округа. По этой причине к исследованию были привлечены и некоторые документы из фонда канцелярии попечителя Московского учебного округа (фонд 459). Среди них выделяются попадавшие к нему на утверждение студенческие прошения по различным поводам, докладные записки инспекторов и другие документы (опись 2, том 1).

Также в рамках данного исследования было проведено изучение личного фонда Д.П. Голохвастова, многолетнего помощника попечителя Московского учебного округа (1831–1847 гг.), который хранится в коллекции Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ, фонд 404). В современной историографии благодаря работам

Ф.А. Петрова известен так называемый «проект Д.П. Голохвастова»⁴⁵, который он представил в своих замечаниях к создававшемуся в начале 1830-х гг. новому университетскому Уставу. Хотя большая часть идей Голохвастова в окончательный текст Устава не вошла, все же его мнения позволяют получить некоторое представление о направлениях университетской политики применительно к студенчеству в то время.

Для исследования статистических параметров социальной группы студенчества ИМУ особое значение имеют ежегодные (с 1834 г.) отчеты Московского университета⁴⁶. Включаемая в каждый годичный отчет «именная ведомость» студентов университета не только дает возможность выяснить персональный состав студентов в тот или иной учебный год, но и, несмотря на довольно частые ошибки, открывает широкие возможности сбора статистической информации.

Важным источником по изучаемой теме является пресса. В газете «Московские ведомости» печатались различные объявления о нуждах университета, о вступительных испытаниях, списки поступивших в университет. Кроме того, события университетской истории и программные документы находили свое отражение на страницах созданного по инициативе С.С. Уварова «Журнала Министерства народного просвещения» (ЖМНП). Каждый выпуск ЖМНП начиная с середины 1830-х гг. повествовал о жизни российских учебных заведений и подразделялся на официальную и неофициальную части. В официальной публиковались в хронологическом порядке правовые акты, имевшие отношение к управлению университетами: правила поступления в университеты и зачисления учащихся, инструкции должностным лицам университета, особенности назначения стипендий и т.д. В эту же часть иногда включались министерские отчеты о состоянии

⁴⁵ Записка Д.П. Голохвастова о состоянии Московского университета и об изменении устава университета // ОПИ ГИМ. Ф. 404. Оп. 1. Ед. хр. № 22. 80 л.

⁴⁶ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета. [М., 1835–1863].

Московского университета⁴⁷.

В неофициальной части выпусков ЖМНП основной массив материалов представляет собой обзоры научных новостей России и мира, значимых научных публикаций, вышедших учебных пособий. Лишь изредка в этой части журнала приводятся описания торжественных актов ИМУ⁴⁸, сведения о выдающихся питомцах университета, а также некрологи преподавателей и учащихся⁴⁹.

Значительный интерес представляют документы личного происхождения, в особенности массив воспоминаний студентов университета 1830-х – начала 1860-х гг. Некоторые из использованных воспоминаний, в которых рассматривалась студенческая жизнь, были опубликованы еще в XIX столетии отдельными изданиями⁵⁰, но значительная их часть появилась на страницах периодических изданий пореформенной эпохи («Отечественные записки», «Нива»). Особую роль в публикации данных текстов сыграли появлявшиеся в 1860–1890-х гг. исторические журналы, издававшие подобные материалы («Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник»). Кроме того, ряд воспоминаний собран в юбилейные тематические сборники советского времени⁵¹.

При исследовании массива данных документов обращает на себя внимание наличие в них независимо от авторства определенных общих мест, связанных с благодарностью университету, его преподавателям и чиновникам, с теплыми воспоминаниями о годах юности. При этом авторами

⁴⁷ Состояние Московского университета и Московского учебного округа // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1835. Ч. 6. С. 42–58.

⁴⁸ Торжественные университетские собрания. Московский университет // ЖМНП. 1834. Ч. 3. С. 100–101.

⁴⁹ Студент Московского университета А.С. Писарев // ЖМНП. 1861. Ч. 110. С. 113.

⁵⁰ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897; Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1868; Свирин И.А. Воспоминания студента 60-х гг., за 1862–1865 гг. Тамбов, 1890.

⁵¹ Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Р.А. Ковнатор; под ред. П.А. Зайончковского, А.Н. Соколова. М., 1956; Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989.

воспоминаний обычно становились незаурядные лица, оставившие свой след в последующей российской истории. «Средние» студенты, выходцы из разночинной среды, не только практически не оставили воспоминаний, но и достаточно редко фигурируют в имеющихся в наличии текстах, образуя своеобразное «молчащее большинство».

Подробности описания студенческой жизни в ИМУ различаются в зависимости от эпохи, в которую учился их автор. Основная часть использованных воспоминаний относится ко времени 1830–1840-х гг., эпохе уваровского министерства. Однако в работе над темой были использованы также студенческие воспоминания более раннего периода – начала николаевского царствования (Н.Н. Мурзакевич⁵²) и начала века (Д.Н. Свербеев⁵³, Ф.Л. Ляликов⁵⁴) – с целью показать последовательное изменение условий жизни студентов, их положения в университете, корпоративных ценностей. На другом хронологическом полюсе находятся воспоминания И.А. Свинына⁵⁵, посвященные жизни университетских питомцев в последние годы перед принятием Устава 1863 г.

Среди корпуса воспоминаний бывших студентов о Московском университете по содержательности описания быта студентов необходимо выделить записки филолога Ф.И. Буслаева⁵⁶ – будущего профессора университета, в годы учебы пребывавшего на казенном коште. Буслаев оценивал господствовавшие в университете порядки сугубо положительно. Болеезвешенная оценка условий жизни и учебы студентов в стенах университета в 1840-х гг. принадлежит еще одному будущему профессору –

⁵² Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 89–96.

⁵³ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Там же. С. 64–79.

⁵⁴ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания, 1818–1822 // Русский архив. 1875. Кн. 3. Вып. 11. С. 376–387.

⁵⁵ Свинын И.А. Указ. соч.

⁵⁶ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 200–222.

историку С.М. Соловьеву⁵⁷.

В свою очередь, критически к условиям жизни студентов и царившим в ИМУ порядкам относились будущие деятели радикального крыла общественного движения (А.И. Герцен⁵⁸), авторы, имевшие возможность сравнивать обучение в ИМУ с обучением в других университетах, например П.Ф. Вистенгоф⁵⁹, а также известные мемуаристы П.Д. Шестаков⁶⁰ и А.Н. Афанасьев⁶¹. Последнего за критическое отношение к отцу осуждал в своих воспоминаниях Д.Д. Голохвастов⁶², сын помощника попечителя ИМУ, который стремился доказать преданность покойного отца университету и его интересам.

Наконец, ряд студенческих воспоминаний посвящен отдельным значимым для истории университета событиям, например, визиту в 1837 г. в ИМУ императора Николая I⁶³. Взгляд бывшего студента в данном случае дополняет сведения, содержащиеся в официальных реляциях.

Таким образом, источниковая база работы достаточно репрезентативна и позволяет раскрыть заявленные аспекты рассматриваемой темы на должном научном уровне.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На протяжении исследуемого периода постепенно менялся социальный состав студенчества университета на фоне плавного увеличения числа учащихся. Дворянство утрачивало свои ведущие позиции ввиду

⁵⁷ Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915.

⁵⁸ Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1–3. М., 1958.

⁵⁹ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 5. С. 329–353.

⁶⁰ Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х гг. // Русская старина. 1887. Т. 55. № 9. С. 641–662.

⁶¹ Афанасьев А.Н. Московский университет в воспоминаниях, 1843–1849 гг. / Сообщ. Е.Н. Аммон // Русская старина. 1886. № 8. С. 358–394.

⁶² Голохвастов Д. К истории Московского университета // Русский архив. 1887. Кн. 2. С. 245–251.

⁶³ Попов Н.А. Император Николай I в Московском университете в 1837 г. // Русская старина. 1883. Т. 39. С. 589–590.

увеличения численности разночинцев и выходцев из низших сословий. Размывалось и былое конфессиональное единство: православные студенты перестали быть подавляющим большинством в ИМУ на фоне притока других этнических групп. Возрастной состав студентов при этом все больше сдвигался к стандартному диапазону 17–23 лет для большинства учащихся.

2. Организация учебного процесса в ИМУ на протяжении 1830-х – начала 1860-х гг. не претерпела принципиальных изменений по сравнению с более ранним периодом. Основной формой аудиторных занятий оставались лекции. В данный период происходят углубление специализации на отделениях и факультетах университета и соответствующая трансформация учебных планов. Для рассматриваемого периода характерны также ужесточение контроля над учебой студентов, регламентация сроков обучения и процедуры экзаменов.

3. Повседневная жизнь студентов протекала под постоянным контролем администрации университета. Особенно контролировалась жизнь казенных воспитанников в силу их постоянного нахождения в стенах университета. При этом попытки ограничения вольностей студентов в рамках учебного процесса, регламентации их трудоустройства, а также контроля за нравственностью и поведением вне аудиторий встречали сопротивление со стороны учащихся. Снисходительное отношение профессоров и инспекторов к своим подопечным также не способствовало установлению всеобъемлющего контроля над студенчеством.

4. Студенчество ИМУ не было изолированной социальной группой и гармонично вписывалось в городское пространство Москвы. Город создавал для студентов различные возможности социализации. Студенты не только развлекались в публичных пространствах, но и учились взаимодействовать с городскими жителями, получали возможности подработки. Полученный опыт существования в пространстве города особенно пригодился небогатым учащимся после отмены казенного кошта и перевода на городские квартиры.

5. На фоне сопротивления различным ограничениям, а также под влиянием полученного опыта существования в городе начинали формироваться специфические для университетских учащихся ценности, этика, общественные взгляды. На их основе складывалась студенческая корпорация, которая постепенно приобретала демократический, разночинный характер. Однако в рассматриваемую эпоху студенты пока что объединялись не по политическим интересам, а с целью взаимопомощи и совместного проведения досуга.

Достоверность исследования обеспечена значительной источниковой базой, включающей в себя массив опубликованных документов и архивных источников из двух российских архивохранилищ, а также соблюдением в работе принципов научной объективности, историзма и опорой на достижения предшествовавшей историографической традиции.

Апробация результатов исследования. Представленная диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и результаты исследования были представлены на научных конференциях и изложены в 4 научных работах автора общим объемом 3,1 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована научная значимость и актуальность темы исследования, раскрыта степень ее изученности, указаны цель и задачи, объект

и предмет работы, обозначаются ее хронологические и территориальные рамки, оценивается научная новизна диссертации, отмечается ее теоретическая и практическая значимость, описывается методология исследования, характеризуется его источниковая база, приводятся основные положения, выносимые на защиту, обосновывается достоверность исследования, приводятся сведения об апробации его результатов и его структуре.

Первая глава – «Численность и социальный состав студенчества Московского университета во второй трети XIX века» – посвящена изучению статистических параметров студенчества ИМУ второй трети XIX в. как социальной группы.

В первом параграфе – «Динамика численности студентов в 1835–1863 годах» – показывается, как в результате правительственных решений, а также вследствие повышения значимости университетского образования в российском обществе увеличивалась численность студенчества ИМУ, в какие периоды и как менялся состав различных категорий учащихся (казенномкоштных, своекоштных студентов, слушателей и других) в университете.

Второй параграф – «Сословный и конфессиональный состав студенчества» – демонстрирует, как изначальное дворянское и православное большинство учащихся с течением времени и вопреки усилиям администрации все больше размывалось из-за появления в ИМУ значительного числа разночинцев, а также учащихся из различных нерусских этнических групп.

В третьем параграфе – «Возрастные характеристики студентов Московского университета» – на основании собранных статистических данных подчеркивается, что средний возраст поступления в университет в середине XIX в. усилиями властей постепенно выравнивается, из ИМУ исчезают как совсем юные студенты, так и возрастные первокурсники (25 лет и старше).

Во второй главе – «Учебная деятельность студентов» – на основании массива административных документов и студенческих воспоминаний реконструируются основные аспекты учебной повседневности учащихся ИМУ.

Первый параграф – «Процедуры поступления в университет» – посвящен анализу становления системы вступительных экзаменов в Московский университет. На конкретных примерах показывается, как усилившиеся «строгости» в организации и приеме вступительных испытаний нивелировались снисходительным отношением профессоров и успешно преодолевались самими будущими учащимися.

Во втором параграфе – «Учебный процесс в Московском университете второй трети XIX века» – анализируется эволюция организации учебной деятельности студентов в ИМУ. На основании анализа административных документов показывается, как на фоне углубления специализации учащихся в учебных программах появлялись новые учебные предметы, а также усиливалась регламентация учебного процесса в рамках становления системы курсовых и итоговых экзаменов.

Третий параграф – «Итоговые экзамены и профессиональные перспективы студенчества» – затрагивает вопросы, связанные с усилиями властей по регламентации трудоустройства окончивших курс студентов. В параграфе показывается, что не только казенномкоштные студенты, но и другие категории учащихся, специальности которых представляли большой государственный интерес, становились объектом активного привлечения на военную и гражданскую службу.

Третья глава – «Повседневная жизнь студенчества Московского университета» – посвящена изучению студенческого быта указанной эпохи, практик взаимодействия учащихся друг с другом, с представителями администрации, а также жителями Москвы.

Первый параграф – «Бытовые условия жизни казенных и своекоштных студентов» – описывает условия жизни казенномкоштных учащихся в стенах

университета на полном довольствии и своекоштных на бедных городских квартирах.

Во втором параграфе – «Студенчество и администрация: механизмы контроля и взаимодействия» – изучается взаимодействие учащихся с представителями администрации университета (инспектором, субинспекторами, отчасти попечителем). На основании мемуарных документов и официальных актов доказывается, что, вопреки устремлению министерского начальства, представители администрации в рассматриваемый период снисходительно относились к студенческим проступкам, проявляли по отношению к своим «питомцам» заботу и непосредственное участие.

В третьем параграфе – «Студенты университета в городском пространстве Москвы» – характеризуются условия существования университетских учащихся в пространстве столичного города, их пребывание в публичных пространствах, практики взаимодействия с городскими обитателями в контексте формирования студенческой корпорации.

В заключении представлены итоговые обобщения и выводы по теме исследования.

Во-первых, общая численность студентов в рассматриваемое время демонстрировала тенденцию к устойчивому росту. В итоге за неполные три десятилетия число учащихся в ИМУ выросло почти в пять раз. Параллельно с этим менялся социальный облик большинства студентов ИМУ. Если в начале изучаемого времени в ИМУ преобладали студенты-дворяне и учащиеся православного вероисповедания, то в последующие десятилетия университет становился все более разночинным, а среди учащихся появлялось все больше представителей других народов и конфессий – поляков-католиков, немцев-лютеран, армян, евреев. При этом возраст учащихся унифицировался под давлением административной регламентации. В итоге ко второй половине 1850-х гг. он достиг стандартных значений 17–23 лет, что соответствовало и устремлениям начальства. Особенную стабильность демонстрировал медианный возраст учащихся первого курса – в весь рассматриваемый период

он держался в пределах 18–19 лет. Это доказывает, что юные студенты моложе 17 лет и возрастные студенты-медики (25 лет и старше) были исключением из правил на фоне основной массы учащихся.

Во-вторых, учебный процесс в ИМУ в указанное время все больше регламентировался – углублялась специализация кафедр, отделений и факультетов, вводились новые предметы, а также ужесточалась процедура вступительных, курсовых и итоговых экзаменов. Студентам не позволялось более пребывать неопределенный срок в университете без выполнения учебного плана. Однако все эти строгие меры так же, как и попытки введения обязательного трудоустройства большинства учащихся по окончании курса, сталкивались, во-первых, с либерализмом преподавателей и, во-вторых, с сопротивлением самого студенчества, что нередко сводило на нет усилия администрации.

В-третьих, администрация университета стремилась контролировать жизнь всех категорий учащихся – не только находившихся все время на виду казеннокоштных студентов, но и проживавших на квартирах своекоштных учащихся. Особенно это касалось выпускников и их будущего профессионального выбора. Однако в реальности контроль осуществлялся по-отечески мягко, в рамках патерналистского подхода, что нашло особенное отражение в деятельности инспектора П.С. Нахимова. Нахимов и его подчиненные нередко помогали студентам материально и прикрывали их провинности перед высшим начальством. Так же поступали и некоторые из преподавателей в рамках учебного процесса.

В-четвертых, бытовые условия и повседневная жизнь учащихся ИМУ указанного времени серьезно различалась в зависимости от того, к какой категории принадлежали студенты. Если казеннокоштные учащиеся находились под постоянным контролем администрации в лице инспектора, но получали полный пансион и комфортные «нумера» в стенах университета, то своекоштные студенты и стипендиаты обладали большей свободой, но вынуждены были самостоятельно решать все бытовые вопросы в условиях

вечного недостатка средств и плохих условий существования на частных квартирах в городе.

В-пятых, особую свободу действий студенты сохраняли в городском пространстве, в его публичных и приватных пространствах (театры, трактиры, бульвары, частные дома и квартиры), что способствовало их взрослению и приобретению жизненного опыта. Проведение совместного досуга, получение навыков взаимодействия с городскими жителями, разрешение возникавших конфликтов в городе и в стенах университета приводили в итоге студентов к осознанию собственной корпоративной общности. Однако наметившееся в те годы объединение студенчества в особую корпорацию еще не имело выраженного политического измерения, которое сплотит ее в пореформенные годы.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группам специальностей 5.6. Исторические науки:

1. *Гриценко А.И.* Казенномокштные студенты Московского университета второй четверти XIX века как социальная группа // Человеческий капитал. 2022. № 8 (164). С. 25–38 (1,2 п.л.). EDN: YVFNAY. Импакт-фактор РИНЦ – 0,558.
2. *Гриценко А.И.* «Один из главных чиновников университета»: роль инспектора студентов Московского университета в жизни студенчества во второй четверти XIX века // Клио. 2023. № 8 (200). С. 90–97 (0,5 п.л.). EDN: GKVFMS. Импакт-фактор РИНЦ – 0,108.
3. *Гриценко А.И.* Бытовые условия жизни казённых студентов Московского университета середины XIX в. в зеркале административных документов // Клио. 2024. № 3 (207). С. 132–137 (0,8 п.л.). EDN: RLFWDC. Импакт-фактор РИНЦ – 0,108.
4. *Гриценко А.И.* Студенческие обструкции в Московском университете второй трети XIX века как форма протестной активности // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 4. С. 48–55 (0,6 п.л.). EDN: LLETFE. Импакт-фактор РИНЦ – 0,305.